

И 50 ЛЕТ НЕ СТЕРЛИ ИЗ ПАМЯТИ ВОЙНУ

Великая Отечественная война в судьбах многих поколений оставила такой глубокий след, что и 50 лет нестерли его из памяти людской. Не забыла страшные военные годы и старейшая сотрудница академии, единственная, кто начал работать в тридцатые годы и трудится до сих пор техником кафедры плодосовхоза З. Я. Бескаравайная.

Родилась Зинаида Яковлевна в Ставрополе за год до февральской революции. В тридцатые годы поступила в пединститут, но по настоянию отца учеба была оставлена: в семье было 10 детей и нужна была помощь старшей.

В 1936 году она приходит в наш вуз, сначала трудится на опытной станции, потом ее взяли на кафедру растениеводства профессор А. И. Державин, с которым она проработала много лет. Благодаря ему узнала азы селекционной работы, научилась кропотливому труду в поле, где она проводит до сих пор по семь месяцев в году.

И весть о войне встретила тоже в поле, только не на институтском, а под Моздоком, в совхозе № 8 (сейчас это совхоз «Рошинский»), где на опорном пункте ученый Державин проводил опыты с многолетними рожью, пшеницей, выводящие им для закрепления песков. Вот сюда-то и приехала в командировку с четырехлетним сыном Юрой техник Бескаравайная. Командировка затянулась на мучительные годы оккупации, которые ей пришлось переносить вдали от родных мест, и выдержать нечеловеческие страдания при возвращении домой. Но это было потом, а пока шел июнь 1941 года.

О начале войны она услышала от всадника-ногайца, гнавшего коня по полю и кричавшего: «Бросайте работу! Война! Всем на центральную усадьбу!» 18 километров до центральной усадьбы ехали на бричке с агрономом И. А. Драненко и гадали, что и как будет. А война уже шла вовсю. На карте, в совхозе, уже были отмечены города, оставленные нашими войсками.

Потянулись дни военного времени, и пришлось Зинаиде Яковлевне испытать все сполна: и бомбежки, и жизнь в подвалах, и страх за сына, и видеть расстрел евреев, и убийство румынским солдатом восьмимесячного малыша, ползающего по телу мертвой матери, и задохнуться от удушья дима тлешей овечьей шерсти, подожженной немцами зажигательными бомбами. Пережила и неразбериху отступления, когда, захватив кой-какие пожитки, посадив на выделенную подводу детей, младшие сотрудники попытались пробиться на юг, на Кизляр, Грозный, но были остановлены стремительно наступающими передовыми немецкими частями и повернуты назад.

— При подготовке к эвакуации овцевозов Суслов на брезентовом «газике». Вышел из машины пыльный, худой, уставший. Мы поняли, что пришло время уез-

жать. Обозы двинулись на юг, на Махачкалу, — с волнением рассказывала она. — Первая наша попытка эвакуироваться, как я говорила, была неудачной. Начальники повыеже смогли уехать с семьями на машинах, а мы на бричке далеко не уехали. Но обстоятельства вынудили нас позже бежать от немцев пешком.

В совхозе располагался кавалерийский полк. Был там всего один пулеметчик, помню, из Орла. При бомбежке он был тяжело ранен в грудь. Мы, женщины с детьми, че-

ловек 40, прятались в подвале, затащили его к себе, перевязали (одна женщина порвала блузу). Когда все стихло, мы услышали немецкие окрики у подвала и требование выходить. Со страхом мы начали подниматься наверх, увидели много немецких машин, мотоциклов, солдат, увешанных оружием. Но нас они не тронули, даже один из них дал нашим детям по маленькой шоколадке.

Наших убитых бойцов было много. Они лежали там, где их застали пули. Немцы стали требовать выдавать спрятавшихся бойцов, но у нас кроме раненого пулеметчика, которого мы вынесли, никого не было. Тогда немцы построили наших живых бойцов и стали спрашивать откуда они. Если солдат был с местностями, уже занятой ими, они отправляли в одну сторону, если нет — в другую со словами: «Пойдешь воевать свою мать». Куда они их потом дели, не знаю. Больше их не видели.

Потом приказали нам собрать убитых и завтра выкопать яму и сжечь. К раненому пулеметчику подошел немец, видно, врач, осмотрел, перевязал и у нас оставил.

Утром, когда встали, увидели, что наши убитые бойцы раздеты, местные жители сняли с них всю одежду. Немцы приехали, увидели это и приказали, что если через два часа убитые не будут в одежде, расстреляют жителей. Кое-как собрали мы одежду, несли у кого что осталось от отцов, братьев, мужей, одежи и похоронили. А ночью услышали гул мотора и вдруг стук в дверь. Мы с соседкой перепугались, но открыли надо, спросили: «Кто там?» и услышали русскую речь: «Свои». Открыли, вошли двое, один спро-

сил: «У вас раненый?». Мы подвели к нему. Он наклонился, прижал его к себе и зашептал: «Триша, брат, я уже не надеялся увидеть тебя живым». Они его забрали и уехали, а утром явились немцы, стали кричать, что, если мы его спрятали и им не отдадим, когда они снова сюда приедут, то будет нам: «Пуф-пуф». Они уехали, и мы вынуждены были с соседкой бежать в Махачкалу, к переправе. Забрали детей, кое-что из еды и пошли на юг. Днем шли, прятаясь по оврагам, балкам, ночью устраивались на ночлег, где придется. Дошли до Махачкалы, но там, на переправе, было такое скопление людей, повозок, машин с грузами, скота, что мы поняли: у нас надежды эвакуироваться в глубокий тыл через Каспийское море нет, и мы решили возвращаться в Ставрополь.

Как мы шли, что испытали, трудно не только рассказывать, но и вспоминать. Уже была осень. Голод, холод, грязь и постоянный страх. Питались тем, что дадут люди. Многие помогали, чем могли: кусочком овсяного хлеба, картошкой, кружечкой молока. Как-то одна женщина предложила подождать, чтобы она смогла нам испечь пшешек, чтобы помянули ее 17-летнюю дочь, которую немецкие солдаты за косы уволакали с собой.

Видели мы и наших убитых воинов в оборванной одежде, погрызанными одичавшими собаками, а фашисты не разрешили хоронить бойцов. Как не похоже было отношение немцев теперь на то, какое было под Моздоком. Поэтому, когда услышала, что в Чечне лежали незахороненные наши ребятишки и их тела терзали собаки, сразу вспомнила картины тех лет и ужаснулась: опять пришла война на нашу землю.

Зимой мы добрались до села Александровского, где нас приютила добрая семья, и мы смогли немного отдохнуть. В Старомарьевке узнали об отступлении немцев. В Ставрополь вернулись сразу за нашими войсками в январе 43-го. Полгода мы мыкались по полям, дорогам, бездорожью.

Через несколько дней после возвращения вышла на работу. Институт был разрушен, ограблен. Мы начали приводить его в порядок. Наша кафедра размещалась в подвале главного корпуса, где в вход со двора. Вскоре вернулся профессор Державин, и работа кафедры пошла своим чередом, приспособившись к условиям времени, разворачивали научно-исследовательскую, учебную работу.

Менялись руководители вуза, кафедры, менялось ее название, но неизменно оставалась в штатах вуза З. Я. Бескаравайная: «Бессменный работник агрофака. Скромная, незамысловатая, бескорыстная, беззаветно преданная делу», — так говорят о ней доктора наук профессоры ректор по научной работе Н. М. Соляник, декан В. И. Харечкин, заведующий кафедрой плодосовхоза И. П. Барабанш, кого она знает со студенческих лет. Николай Михайлович подчеркнул, что своим подвигом повседневного труда она воспитывала студентов лучше многих идеологов того времени и сыграла немалую роль в их профессиональном и человеческом становлении, за что они очень благодарны Зинаиде Яковлевне.

19 января З. Я. Бескаравайная вступила в 80-й год своей жизни и 60-й год работы в вузе. Так пусть он будет для Вас, Зинаида Яковлевна, легким и радостным. Пусть Вашу жизнь также освещает любовь и уважение родных вам людей, близких, знакомых. Будьте здоровы еще много лет и желаем Вам святого материнского терпения.

Т. ГЛАУСТАЯ.

З. Я. Бескаравайная и директор опытной станции института профессор А. И. Державин за взвешиванием семян сорго.

1938 год.

